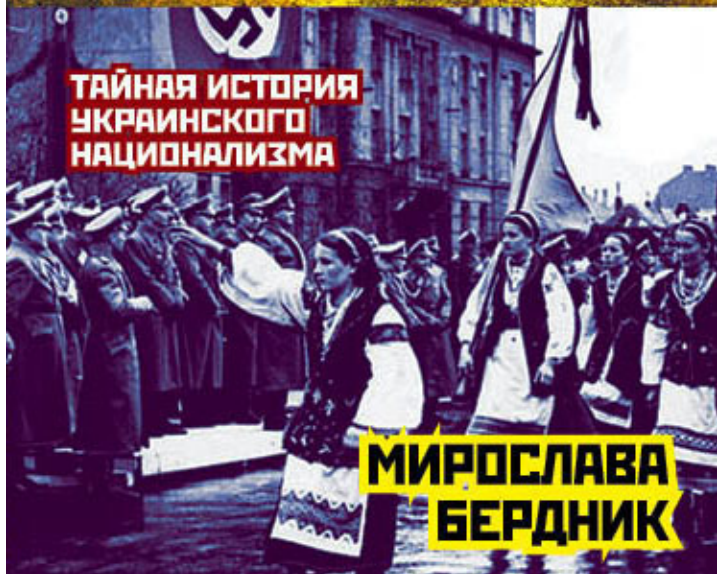

БИТВА ЗА УКРАИНУ

ПЕШКИ В ЧУЖОЙ ИГРЕ

**ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
УКРАИНСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА**

**МИРОСЛАВА
БЕРДНИК**

Мирослава Бердник
Пешки в чужой игре.
Тайная история
украинского национализма
Серия «Битва за Украину»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9069183

*Бердник Мирослава. Пешки в чужой игре. Тайная история украинского национализма: «Издательство Алгоритм»; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0834-5*

Аннотация

Автор этой книги – известный публицист Мирослава Бердник. Дочь известного украинского писателя и правозащитника, узника советских тюрем Олеса (Александра) Бердника, Мирослава – классический представитель украинской интеллигенции, которую к числу «засланців Кремля» не могут отнести даже зоологические националисты. Тем убийственнее для них звучит правда из ее уст – пример подлинного патриотизма и любви к своему Отечеству, в отличие от псевдопатриотов, возомнивших себя «учителями нации». Мирослава проливает яркий свет на истоки украинского национализма (исключительно галицийского фактора), открывая подлинное обличье этого явления – лицо измены.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Антироссийские хроники 1900–1917 гг	13
Суть геополитики Запада: расчленить Россию!	13
Спонсоры «украинского дела»	22
Подавление «москвофильства» среди русинов Галиции	25
СВУ и ГУР вызывают к «общественному мнению Европы»	27
«Украинский вопрос» в планах Австро-Венгрии, Германии и Турции	32
Пропаганда в начале Первой мировой	36
Тайные дела Парвуса	39
Дмитрий Дорошенко: «Нас, сознательных украинцев, было так мало»	44
Талергоф и Терезин: австро-венгерский террор	47
«Защита прав малых народов»	50
Карьера аристократа-монаха	53
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Бердник Мирослава Пешки в чужой игре.

Тайная история украинского национализма

© Бердник М. А., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Предисловие

С приходом Виктора Ющенко к власти в 2004 году из политического маргинеса попали в большую политику и представители националистических партий, поддержавшие его на выборах. Именно они определяют сейчас политику Украины. Польский журналист Марианн Калуски в статье «Поговорим об Украине откровенно» («Tygodnik Powszechny», Польша) подчеркнул: «К власти в Киеве пришли настоящие украинские националисты, к числу которых принадлежит и сам Ющенко... При этом необходимо помнить, что это примитивный и чрезвычайно агрессивный национализм XIX века. Этого национализма справедливо опасаются все проживающие на Украине национальные меньшинства».

Сегодня кровавого палача Романа Шухевича посмертно награждают званием Героя Украины, во многих городах Украины массово устанавливают памятные знаки и памятники Петлюре, Бандере, Шухевичу, головорезам из дивизии СС «Галиция». Полки книжных магазинов гнутся под тяжестью книг идеологов интегрального национализма и их современных последователей. Президенту Ющенко подаются предложения – привлекать к уголовной ответственности тех, кто хочет опорочить деятельность «героев национально-освободительной борьбы».

Емко сказал в своем романе-антиутопии «1984» англий-

ский писатель Джордж Оруэлл: «Кто контролирует прошлое, контролирует будущее; кто контролирует настоящее, контролирует прошлое». Находящиеся при власти в Украине оранжевые совершают то, что в теории информационных войн называется «подменой истории», создавая «украино-центрический образ мира».

В этой книге сделана попытка дать ретроспективу исторических процессов, которые происходили в Европе в конце XIX – середине XX века, и проследить их связь с сегодняшними событиями в Украине. Как ни печально это осознавать, но история украинского националистического движения – это, главным образом, история обслуживания чужих геополитических интересов. Симон Петлюра в начале XX века писал: *«Надо найти... среди влиятельных международных сил такие, которых можно было бы заинтересовать идеей украинской государственности и которые имели бы реальную пользу от этого для себя – то ли политическую, то ли материальную»*. Ему вторил основатель интегрального украинского национализма Дмитрий Донцов: *«Серед усіх імперіалізмів можемо прислужуватися такому, котрий може бути нам корисний»*.

В начале XXI века, после «оранжевой революции», президент Ющенко нашел империализм, которому «можемо прислужуватися». Он подписал с американским президентом «Повестку нового века для украино-американского стратегического партнерства», обязываясь верой и правдой про-

двигать по миру американские национальные интересы. А ющенковский министр иностранных дел Борис Тарасюк объявил Украину «страной-контрибутором в укреплении демократии». Вот его слова: *«Можно просто закрывать глаза на нарушения прав и свобод человека, прятаться за скорлупу совковых представлений о демократии, а можно занять активную позицию в международных организациях. Именно так в последнее время поступает Украина, присоединившись к кругу демократических стран, обративших внимание на несоответствие международным стандартам, несоблюдение международных обязательств некоторыми странами, в частности Кубой и Беларусью. Необходимо уже отойти от политики двойных стандартов: не только создавать демократию у себя дома, но и не стоять в стороне от вопросов демократии в мире».*

Сто лет назад, в начале XX века, происходило жесткое противоборство главных геополитических «игроков» Европы. Западные стратеги рассматривали Украину, как тот самый рычаг, «плечо силы», с помощью которого можно было бы развалить Российскую империю.

По сути, эту же позицию почти век спустя занял американский геополитик Збигнев Бжезинский. *«Украина, новое и важное государство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть*

евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским государством...».

Автор самого понятия «геополитика», Рудольф Челлен, в 1915 году в работе «Политические проблемы мировой войны» утверждал: *«Мы имеем... все основания причислить украинский вопрос к одним из главных мотивов мировой войны».* Челлен начертил «культурную границу», отделяющую Запад от «дикого» Востока по Дону. Он горячо поддержал проект профессора Эдуарда фон Гартмана по разрушению России путем создания такого рубежа...

Британский ученый и автор плана «Новая Европа» Р. Сетон-Уотсон также был убежден, что именно «украинский вопрос» – одна из главных причин Первой мировой. Ещё в предвоенные месяцы 1914 года Сетон-Уотсон встречался во Львове с М. Грушевским, А. Шептицким, К. Левицким, С. Бараном и другими националистическими деятелями. В основанном им совместно с Т. Масариком в октябре 1914 года журнале «Новая Европа» Сетон-Уотсон пытается убедить политических лидеров, что создание независимых Украины, Польши, Литвы и других государств соответствовало бы долгосрочным интересам Европы.

Сегодня по поводу и без повода вспоминают знаменитого geopolitika Х. Д. Макиндера и его формулировку контроля над миром: *«Кто господствует в Восточной Европе, тот управляет Срединной землей* (центральной частью Европы

– М. Б.). *Кто господствует в Срединной земле, тот управляет Мировым островом* (Евразией – М. Б.). *Кто господствует на Мировом острове, тот управляет миром*». Логика борьбы за мировую гегемонию, вещал Макиндер, делает столкновение интересов России и Германии фатально неизбежным. Правда, его пугал не столько предполагаемый конфликт двух этих государств, сколько их возможный союз. Поэтому он предлагал политическое переустройство Восточной Европы по образцу Западной – таким образом, чтобы основой ее существования стала система самостоятельных национальных держав, «широкий клин независимости от Адриатического и Черного морей до Балтийского». Контроль над этими государственными образованиями, а также над всеми процессами вокруг «Срединной земли» должен был быть возложен на Лигу Наций.

Уже во время гражданской войны в России и интервенции Макиндер по поручению британского министра иностранных дел Д. Керзона посещал Одессу и Новороссийск с полномочиями верховного комиссара, безрезультатно пытаясь уговорить Деникина признать де-факто образовавшиеся республики. В своем рапорте правительству Макиндер предложил создать в Восточной Европе «альянс пограничных государств с Украиной включительно», а также доказывал целесообразность основания широкой восточноевропейской антирусской и антибольшевистской коалиции. Макиндер, как и сегодня наследники его идей, утверждал: «Я не

могу представить мира между Россией и миром. Все равно, станет ли будущим России анархия или тирания, или рабство у немцев; ни один из этих вариантов не может обеспечивать сегодня сосуществование с демократией в мире». План Макиндера был отклонен благодаря военному министру Уинстону Черчиллю.

Весьма значительную роль в начале XX века сыграл проект, выдвинутый рядом немецких ученых и политиков – «Mitteleuropa» («Срединная Европа»). Впервые термин Mitteleuropa начал употреблять в 40-е годы XIX века немецкий экономист Фридрих Лист. Он писал о «среднеевропейской экономической общности», заявляя о необходимости немецкой экспансии.

Отношения России с Германией стали ухудшаться, что всегда поощрялось Англией и всегда приводило к несчастью в Европе. Австро-германский союз 1879 года стал роковой вехой, началом оформления коалиций, которые в дальнейшем и столкнулись в Первой мировой войне.

Но вернемся к судьбе Украины. Ватикан также не отказывался от своей вековой мечты – сначала духовного, а затем и физического овладения нашей землей. Ведь сразу после Брестской унии папа Урбан VIII взывал к галицийским русинам: «О мои рутены! Через вас надеюсь вернуть Восток». А Богдан Хмельницкий в своей речи на Переяславской Раде сказал, что Бог освободил Малую Русь от врагов, желающих *«искоренити Церковь Божию, дабы и имя Русское не поми-*

налось в земле нашей».

Посмотрим на события, происходившие в конце XIX века, глазами униатского священника и писателя Ивана Рудовича. *«В начале 1888 года, – писал он, – война России с Австрией казалась неминуемой... Бывший немецкий посол в Петербурге, железный канцлер Бисмарк лучше всех оценил украинский вопрос: чтобы удержать равновесие и мир в Европе, необходимо создать независимую Украину. Отрыв Украины был бы наиболее тяжелой ампутацией для России. Папа Лев XIII быстро сориентировался в запутанной мировой политике... Униатские планы папы привели его к еще большей заботе о нашей греко-католической церкви... В 1888 году папа поднял вопрос о создании украинского греко-католического патриархата во Львове и поручил конгрегации по пропаганде веры разработать план этого нововведения».* Более того, Ватикан начал поиски наиболее достойного кандидата на патриарший престол, такого, который смог бы достойно выполнить начерченную Ватиканом программу действий на русском Востоке. Такой кандидатурой оказался молодой Роман Шептицкий, которого все знают под именем владыки Андрея Шептицкого.

Эта книга рассказывает об украинском национализме и его борьбе с Россией, начиная от истоков движения в начале XX века; о создании УВО, затем ОУН под сенью немецкой разведки; о военной коллаборации, о послевоенной необъявленной войне на Западной Украине в ожидании Третьей ми-

ровой – и других деяниях «национально свидомых» вплоть до дня сегодняшнего.

Глава 1. Антироссийские хроники 1900–1917 гг

Суть геополитики Запада: расчленив Россию!

С образованием Двойственного союза между Германией и Австро-Венгрией в 1879 году и заключением между ними секретного военного соглашения, направленного против России и Франции, правящие круги этих стран вплотную занялись «украинским вопросом».

На страницах газет широко развернулась антироссийская кампания. В январе 1888 года в немецком журнале «Гегенварт» была опубликована статья протекже канцлера Бисмарка, немецкого философа Эдуарда фон Гартмана, в которой автор указывал на растущую опасность России для Европы.

Галицкая газета «Дело» откликнулась на публикацию Гартмана статьей под названием «Философ Гартман о России». В ней говорилось: «Главное стремление Гартмана – доказать, что Россию для безопасности остальной Европы необходимо обязательно разделить».

А делить Россию Гартман предлагал следующим образом: *«Надо Финляндию отдать Швеции, Бессарабию Румы-*

нии; Эстония, Ливония, Курляндия, Литва и Жмудь создали бы самостоятельное королевство Балтийское, разумеется, под контролем немецким; а на просторах меж Прутом и Днестром встало бы отдельное королевство Киевское. Швеция и новое королевство Балтийское получили бы гарантию своей независимости от Германии, а королевство Киевское и Румыния – от Австрии. Войска этих держав стали бы на случай войны под начальство Германии и Австрии».

На проект Гартмана резко отозвался Иван Франко на страницах львовского журнала «Правда», в статье «Політичний огляд»: «Боже мой, вот честь, вот радость для ягнят, что волк ими интересуется! Мне кажется, что этот интерес Бисмарка и его креатур должен бы нас скорее пронимать стыдом, как лучшее свидетельство нашего бессилия. Кто нами интересуется в Европе, тот делает это только с оглядкой на Россию и на то, как строятся его отношения с Россией. Нужно России пригрозить – бух! являются на сцену русины, выплывает киевское княжество... Почему же Бисмарк не пытается таким же образом интересоваться ирландцами, валлийцами, провансальцами или южно-африканскими бурами? Очевидно потому, что это все не мертвые, элементарные племена, из которых можно без их воли и разрешения выпиливать, что кому захочется... Подпрыгивайте, ягнята! Господин волк изволит интересоваться вашим мясом!..» Иван Франко вряд ли симпатизировал Российской империи, зато прекрасно понимал, что западные го-

сударства разыгрывают украинскую карту в своих интересах.

В последующие 25 лет, до начала Первой мировой войны, эта идея Гартмана тщательно обсуждалась немецкими политическими деятелями.

Так, немецкий профессор Самасса в своей рецензии на книгу Геция «Русслянд» писал, что наилучшим средством ослабления России считает образование славянских государств на ее территории. Ему хотелось бы видеть, кроме независимой Финляндии, польское государство и «украинское королевство»; великороссов же он предлагал оттеснить в пределы Азии.

Примечательно, что сам Бисмарк был последовательным и решительным противником войны с Россией. Сам он намеревался лишь в большей степени связать политику России с интересами Германии. В то время, когда в журналах обсуждался проект расчленения России, а в военных и дипломатических кругах – возможность войны, Бисмарк писал в секретном письме германскому послу в Вене от 3 мая 1888 года: *«Об этом позволительно было бы спорить, если бы такая война могла привести к тому, что Россия, как выразился граф Кальноки, была бы «разрушена». Но такого рода результат даже после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая основывается на миллионах собственно русских православного вероисповедания. Они, даже если*

их разделить международными договорами, тут же быстро опять соединятся, как частицы разрезанного кусочка ртуты. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей... останется после своего поражения нашим природным и нуждающимся в реванше противником...»

Увы, Бисмарк не смог направить русскую политику в нужное ему русло. Наоборот, он достиг результатов, прямо противоположных тем, к которым стремился. Практически, Бисмарк толкнул Россию к сближению с Францией, а затем с Англией, что привело впоследствии к образованию Антанты. Так в Европе сложились два противостоящих военно-политических блока. Отныне власти Германии и Австро-Венгрии рассматривали Россию как вероятного противника в случае будущей войны – и, естественно, уделяли внимание всему, что могло содействовать ослаблению России, в том числе – развитию украинского сепаратизма в Российской империи.

Такому вниманию к украинскому вопросу Германии и Австро-Венгрии способствовала их экономическая заинтересованность. Украина в начале XX века была одним из наиболее динамично развивающихся регионов России; на ее территории находилась значительная часть имперского экономического потенциала.

Мысли о неизбежности войны Германии с Россией

распространялись прежде всего прибалтийскими немцами-имигрантами, прибывавшими в Германию с 70-80-х годов XIX века. Немецкие публицисты и политики балтийского происхождения изображали прибалтийские провинции России, как «германскую вахту на границе славянства», как «крайние форпосты германского народа» в «старой борьбе между славянством и германством». Исходившей из России «угрозе германской культуре», по их мнению, следовало противодействовать путем превентивной войны, которую они рассматривали, как решающий момент борьбы между высокой и отсталой культурами.

Эти идеи встречали понимание в правящих кругах Германии, поскольку давали обоснование их замыслам. Так, еще в 1887 году Бернхард фон Бюлов, первый секретарь германского посольства в Петербурге, писал советнику ведомства иностранных дел Гольштейну: *«Мы должны пустить русскому при случае столько крови, чтобы тот не почувствовал облегчения, а 25 лет был не в состоянии стоять на ногах. Нам следовало бы надолго перекрыть экономические ресурсы России путем опустошения ее черноземных губерний, бомбардировки ее приморских городов, возможно большим разрушением ее промышленности и ее торговли. Наконец, мы должны были бы оттеснить Россию от тех двух морей, Балтийского и Черного, на которых основывается ее положение в мире. Однако я могу себе представить Россию действительно и надолго ослабленной только после отторже-*

ния тех частей ее территории, которые расположены западнее линии Онежская губа – Валдайская возвышенность – Днепр...»

В 1906 году, уже в статусе канцлера, Бернхард фон Бюлов заявил, что *«Россию можно низвести до уровня второстепенной державы лишь в случае ее социального разложения либо в случае утраты ею Украины».*

Политика Германии в отношении Востока Европы накануне Первой мировой войны формировалась тремя политическими силами, в той или иной мере влиявшими на правительство.

Первая сила, состоявшая из националистических партий «Пангерманская Лига» и «Партия Отечества», мечтала о разгроме России и переносе ее границ далеко на Восток. Украинское сепаратистское движение она рассматривала в качестве инструмента, с помощью которого можно было бы ослабить Россию. В своих планах пангерманисты предусматривали колонизацию Галиции и Черноморского побережья.

Вторая влиятельная группа немецких политиков и журналистов выступала за «независимость нерусских народов Российской империи». Украину эта группа считала ее главным форпостом в Восточной Европе против экспансии России на Запад. Наиболее ярким ее представителем и идеологом был Пауль Рорбах, автор известной работы «Нероссийские народы России и мы». Рорбах сравнивал Россию с апельсином и мечтал о *«расчленении русского колосса на свои естествен-*

ные исторические и этнографические составные части». К ним он относил Финляндию, Прибалтику, Польшу, Бессарабию, Украину, Кавказ, Туркестан (Среднюю Азию), «Московию» и Сибирь. Он считал, что расчленение можно проделать сравнительно безболезненно и что *«именно так будет легко покончить с огромным русским государством»*. Канцлер и МИД Германии, разделяя позицию Рорбаха, считали возможным поддержать сепаратистские движения в России. Украину, Прибалтику и Кавказ они видели будущими буферными государствами. Символично, что политтехнологи, готовившие события конца 2004 года, назвали украинскую «революцию» апельсиновой...

Забегая вперед, отметим, что сразу после подписания в 1918 году Брестского договора немецкий посол в Киеве фон Мумм просил командировать в Украину Рорбаха как известного сторонника «украинской идеи». Такой шаг считали более эффективным, чем непосредственное давление на украинское правительство через посольство или военные круги. Немцы рассчитывали, что Рорбах повлияет на ориентацию украинских политиков, поскольку, как определил фон Мумм, Центральная Рада *«своими коммунистическими экспериментами усугубляет хаос во вред нашим интересам»*.

Наконец, третья группа, возглавлявшаяся профессором Отто Гершем, предлагала развивать политический курс Бисмарка на поддержку добрососедских отношений с Россией. Она исходила из того, что Россия должна оставаться

неделимым государством.

Политическое руководство Германии лавировало между тремя этими центрами влияния. Но вся германская правящая верхушка – кайзер, начальник генерального штаба Мольтке, рейхсканцлер Бетман-Гольвег, руководители имперских ведомств – была воодушевлена идеей «окончательной борьбы» между славянами и германцами. Имперское руководство стремилось добиться долгосрочного ослабления Российского государства посредством отторжения его западных пограничных территорий. В «сентябрьской программе» Бетмана-Гольвега говорилось о том, что *«Россия по возможности должны быть оттеснена от германской границы, а ее господство над нерусскими вассальными народами сломлено»*. Подтверждая осуществлявшуюся правящими кругами Германии на Востоке «политику освобождения и создания буферных государств», 5 апреля 1916 года рейхсканцлер Бетман-Гольвег заявил: *«Германия никогда добровольно не передаст вновь под власть реакционной России освобожденные ею и ее союзниками народы, расположенные между Балтийским морем и волынскими болотами, будь то поляки, литовцы, балты или латыши»*. Эта «восточная» политика нашла свое осуществление в мирных договорах 1918 года, подписанных в Брест-Литовске и в Бухаресте. Финляндия, Курляндия, Литва, Польша, Украина и значительные территории в Закавказье были отторгнуты от России.

Уже в ходе Первой мировой войны, в 1915 году, партия

«Пангерманская Лига» выдвинула «программу сверханнексий». Президиум Лиги назвал в числе «военных целей» Германии захват Польши, Литвы, Белоруссии, Прибалтики и Украины для расселения немецких крестьян. Обязательным условием аннексий являлось очищение их от людей, т. к. «Германии нужны свободные территории». 20 июля 1915 года в Берлине был принят «меморандум профессоров», подписанный 1347 участниками съезда в Доме искусств. Он «научно» обосновал все эти грабительские требования.

Спонсоры «украинского дела»

Одним из тех, кто после Версальского мира занимался разработкой планов будущего России, был виднейший идеолог нацизма, выходец из прибалтийских немцев Альфред Розенберг. Впоследствии именно он, знавший русский язык как родной, возглавил с июля 1941 года имперское министерство по делам оккупированных восточных областей.

Накануне зреющей мировой войны силы, заинтересованные в будущем расчленении Российской империи, стали вкладывать немалые суммы в «украинское дело». Так, Германия крупные средства тратила на поддержку украинских изданий и организаций антироссийской направленности. В 1910 году бывший германский агент во Львове Раковский предал гласности факты поддержки ряда украинских изданий и организаций немцами. По его данным, из секретных немецких фондов финансировались журнал «Ukrainische Rundschau», «Ukrainische Revue», газета «Діло», «Львівське Наукове Товариство Шевченка», Украинский Студенческий Союз, Львовская украинская читальня и т. д. Деньги шли через советника германского посольства в Вене Дитриха фон Бетман-Гольвега, двоюродного брата рейхсканцлера Германии. В 1912 году варшавская газета «Slowo» писала, что германское консульство в Львове *«занимается преимущественно украинскими делами в России. На украинские дела в Ав-*

стрии Берлин, помимо непосредственных сношений со своими украинскими клеветами, влияет путем дипломатического давления на австрийское правительство».

При германском верховном командовании был создан «отдел по освобождению» во главе с графом Богданом Гуттен-Чапски. Он и координировал деятельность организованных при помощи Германии сепаратистских движений.

Австро-Венгрия также проявляла немалый интерес к «украинскому вопросу». Венские политики при благоприятном стечении обстоятельств надеялись присоединить к Галичине Надднепрянскую Украину. В Австро-Венгрии главными покровителями украинского сепаратизма были и наследный принц Франц-Фердинанд, и военное министерство. В 1910 году, согласно оперативным данным спецслужб России, в замке Франца-Фердинанда Конопиште состоялось тайное совещание, на котором присутствовали сам эрцгерцог и деятели сепаратистского движения как Галиции, так и Надднепрянщины.

В 1912 году 200 ведущих членов трех украинских партий (национал-демократы, социал-демократы и радикалы) собрались на тайное совещание, которое приняло заявление о лояльности правительству Австро-Венгерской Империи и о поддержке его в грядущей войне с Россией. 15 декабря того же года съезд Украинского студенческого союза Галиции принял решение об организации обучения молодежи военному делу.

Накануне войны по призыву галицких радикалов была учреждена «боевая управа», которая провозгласила создание Легиона украинских сечевых стрельцов. Во главе управы встали К. Трильовский и Т. Рожанковский. Чаще всего туда рекрутировали молодежь, обученную в подразделениях «Пласта», – организации, созданной офицерами австро-венгерской армии Романом Сушко, Петром Франко и Иваном Чмолой.

Из-за противодействия польских кругов в Вене австрийский штаб разрешил формирование части лишь из 2500 человек, хотя изъявили желание 28 тысяч добровольцев.

Сформированный Легион УСС приветствовал глава украинских униатов Андрей Шептицкий: *«Дорогие мои, в очень важное время ведется война между нашим цесарем и московским царем, – война, справедливая с нашей стороны. Московский царь не мог перенести, что в Австрийской державе мы, украинцы, имеем свободу вероисповедания и политическую волю. Он хочет забрать у нас эту свободу, заковать нас в кандалы. Будьте верны цесарю до последней капли крови».*

Подавление «москвофильства» среди русинов Галиции

Накануне войны Первой мировой войны правительство Австро-Венгрии начало проводить политику подавления симпатий к России среди русинов Галиции и Буковины. Широко применялись репрессивные меры. Власти закрывали русские училища и пансионы, православные храмы и часовни, запрещали православные богослужения, конфисковывали русские ученические библиотеки, запрещали отдельные, а то и все русские организации, как, например, на Буковине в 1910 году.

7 февраля 1912 года наместник Галиции Михаил Бобржинский тайным циркуляром поручил старостам *«составить и через восемь дней прислать списки находящихся в уезде русских — как «умеренных» старорусинов, так и русофилов-радикалов»*, а также списки их предводителей с адресами, указанием общественного положения и т. д. Вскоре после этого начались аресты.

В конце марта 1912 г. были арестованы журналист С. Бендасюк, студент и организатор русинских народных чтален В. Колдра, православные священники Максим Сандович и Игнатий Гудыма. Вскоре на Буковине арестовали братьев Геровских и ряд других русинских общественных деятелей. На Подкарпатской Руси (в Закарпатье) прошли аресты право-

славных крестьян. Всех их обвиняли в измене Австро-Венгрии. Следствие велось долго; в результате были устроены два показательных политических процесса, Мармарош-Сиготский (декабрь 1913 – февраль 1914 гг.) и Львовский (март – июнь 1914).

СВУ и ГУР взывают к «общественному мнению Европы»

Зато зеленый свет был дан украинским партиям и организациям антироссийской направленности. В 1913 году во Львове состоялся Второй украинский студенческий съезд, на котором с докладом «Современное положение нации и наши задачи» выступил Дмитрий Донцов. В своем докладе он заявил о том, что в грядущей войне следует ориентироваться на Австрию и Германию и что не стать на сторону врагов России есть «злочин перед нацією і майбутнім». Донцов сказал: *«Австро-Угорщина стоїть перед дилемою: або розділити долю Туреччини, або стати оруддям нової революції нових народів Східної Європи... Актуальним є не лозунг самостійності. Актуальним, більш реальним і швидше досяжнішим – є лозунг відділення від Росії, знищення всілякого об'єднання з нею, – політичний сепаратизм»*.

28 июня 1914 года в Сараево, столице аннексированной Австро-Венгрией Боснии-Герцеговины, Гавриилом Принципом был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. 1 августа началась Первая мировая война, а уже 25 августа в Вене заявил о своем существовании «Союз визволення України» (СВУ). Возглавляли его Скоропис-Йолтуховский, Донцов, Дорошенко, Жук. СВУ претендовал на то, чтобы представлять и население Надднепрян-

ской Украины, в действительности же полностью зависел от своих немецких и австрийских хозяев. Средства, выделяемые ими на его деятельность, считались «государственным долгом будущей самостийной Украины».

В день своего образования СВУ выпустил воззвание «К общественному мнению Европы», где, в частности, говорилось: *«Только свободная... Украина могла бы своей обширной территорией, простирающейся от Карпат до Дона и Черного моря, составить для Европы защиту от России, стену, которая навсегда остановила бы расширение царизма и освободила бы славянский мир от вредного влияния панмосковитизма... В это тяжелое по своим последствиям время, когда наша нация по обе стороны границы готовится к последней борьбе с исконным врагом, мы обращаемся с этим воззванием ко всему цивилизованному миру. Пусть он поддержит наше правое дело. Мы взываем к нему в твердом убеждении, что украинское дело есть также дело европейской демократии».*

Это воззвание, а также другая пропагандистская литература печатались в Вене на немецком и украинском языках, а затем доставлялись для распространения в Надднепрянской Украине. Направлялись они также в страны проживания галичан-эмигрантов с целью вербовки среди них пропагандистов и отправки их в Россию.

Кроме «Союза визволення України», 1 августа 1914 года было создано политическое объединение трех партий (на-

ционал-демократов, радикалов и социал-демократов) – «Головна Українська Рада» (ГУР), в руководство которой вошли Кость Левицкий, Михаил Павлик и Михаил Ганкевич.

Почти синхронно с «Обращением» СБУ члены ГУР выпустили «Манифест Головної Української Ради», в котором говорилось, что украинский народ принадлежит к тем народам, на которых более всего отразится война и ее последствия; что *«войны хочет Царь Российский, самодержавный властелин Империи, которая является историческим врагом Украины»*, что царская империя 300 лет ведет политику угнетения Украины с целью сделать украинский народ частью русского; что победа России грозит украинскому народу Австрии лишь гнетом, а победа австро-венгерской монархии будет освобождением Украины. *«Пусть на развалинах Российской Царской Империи взойдет солнце вольной Украины»*, – патетически провозглашал «Манифест».

Сегодня это может показаться удивительным, но в то же самое время Симон Петлюра в номере седьмом московского журнала «Украинская жизнь», главным редактором которого он был, опубликовал специальную декларацию «Война и украинцы». В ней он уверял царское правительство в том, что украинцы *«не поддадутся провокационным воздействиям и выполнят свой долг граждан России в это тяжелое время до конца»*. Петлюра в «Украинской жизни» утверждал, что он за объединение всех (и галицийских) украинцев под эгидой царской России: *«Было бы актом величайшей даль-*

новидности и политической мудрости, если бы по отношению к украинцам в Австрии со стороны русского правительства и руководителей русской армии были предприняты шаги, открывающие населению этих австрийских областей эру новой жизни в воссоединении с Россией и украинским ее населением». Как видим, политические взгляды украинских «будителей» зависели только от их местонахождения и источника финансирования...

В конце того же августа 1914 года, почти синхронно с выпуском в свет воззвания «К общественному мнению Европы», в газете «Утро», издававшейся в Софии (Болгария), было помещено обращение СВУ «К болгарскому народу», подписанное Д. Донцовым, В. Дорошенко, М. Меленевским, Н. Зализняком и А. Жуком. В обращении было сказано: *«Болгары! В этом шествии против русского владычества мы с вами и народами Австро-Венгрии и Германии станем на одну сторону. Союз освобождения Украины, затаив дыхание, следит за вашими приготовлениями к расправе с Россией, с ее безумными союзниками...»*.

СВУ обратился с воззванием и к румынскому народу. Там было сказано: *«Лишь разгром России и оттеснение ее до этнографических границ прежнего Московского царства положит раз навсегда конец российскому империализму и обеспечит соседей от нападения русских. Обязанность обеспечения своих границ и освобождения Бессарабии от русского владычества побуждает Румынию соединить свой интерес*

с интересами Австро-Венгрии и Германии».

В «Віснику Спільки Визволення України» №№ 7–8 за август 1914 года, следуя историческому примеру «незабвенного», по выражению авторов, воззвания к шведскому народу Ивана Мазепы, СВУ обратился и к Швеции с предложением союза с Украиной для сохранения мира Европы от «московского варварства и московской ненасытности».

«Украинский вопрос» в планах Австро-Венгрии, Германии и Турции

В ноябре 1914 года министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд заявил, что *«наша главная цель в этой войне состоит в долгосрочном ослаблении России, и поэтому, на случай нашей победы, мы приступим к созданию независимого от России Украинского государства»*.

Еще одним покровителем лидеров СВУ, кроме Германии и Австро-Венгрии, стала Турция. Незадолго до вступления Турции в войну «Союз визволення України» выступил с обращением к турецкому народу. В нем Украина и Турция определялись как союзники, у которых есть общий противник в лице России. Обращение СВУ нашло отклик в Турции. Журнал «Терджиман-и-Хакикат» утверждал, что украинский народ смог сохранить свой собственный язык и себя как нацию только благодаря правам, которыми пользовались украинцы в Австро-Венгрии.

СВУ встретил вступление Турции в войну с воодушевлением. Для установления контактов с турецкими и болгарскими правительственными и гражданскими кругами в Софию и Константинополь были направлены представители Главной Украинской Рады и СВУ. Делегаты Л. Цегельский и С. Баран встречались с турецкими политическими лидерами Энвер-пашой и Талаат-беем. Последние поддержали стрем-

ление создать на руинах побежденной России независимое украинское государство, которое будет преградой российской экспансии на Балканы и Средиземное море. «Вісник СВУ» весной 1915 года писал: *«Интеллигентные турки полностью увлечены украинским делом. Все они, встретив кого-нибудь из украинцев, начинают разговор об Украине, о борьбе украинцев и искренне желают их освобождения из-под ига Москвы».*

24 октября 1914 года турецкой прессой была опубликована декларация министра иностранных дел Турции Талаат-бея, одного из трех фактических руководителей страны, по украинскому вопросу. В ней утверждалось, что образование украинского государства будет весомой услугой миру и человечности. Талаат-бей заявил, что Высокая Порта так же, как и берлинский и венский кабинеты, признаёт необходимость освобождения Украины от российского господства. А после разгрома России Османское правительство будет готово помочь украинскому народу создать независимое государство. СВУ же признавался как общенациональный представительный орган украинского народа, проживающего в российской Украине.

Газета движения младотурков «Жен Тюрк» отмечала, что *«интересы украинцев тесно связаны с интересами Турции. Украинское государство, к которому стремятся украинцы, отделило бы Россию от побережья Черного моря. Создание нероссийского славянского государства избавило бы Турцию*

от политики интриг и прихотей российской монархии, стремящейся господствовать над Константинополем и морскими проливами». Считалось, что отрыв Украины от России избавит Турцию от основного геополитического конкурента последних двух столетий.

Кроме того, СВУ под руководством немецко-турецкого комитета должен был подготовить условия для создания украинского воинского соединения, которое вместе с турецкими войсками высадилось бы на Кубани и в северном Причерноморье, в районе Одессы, с тем, чтобы инициировать волнения среди украинцев, а также восстание на Черноморском флоте.

Представители «Союза» встречались в Константинополе с доверенными лицами военного министра Турции Энвер-паша. Предусматривалось, что после высадки в одном из пунктов российского побережья Черного моря небольшое украинское подразделение при поддержке значительных турецких сил попытается вызвать восстание в Украине.

Однако, учитывая антитурецкие настроения большинства населения Кубани и Украины, операцию сочли невозможной. Кроме того, если бы украинские части прибыли на Северный Кавказ «в обозе» турецкого десанта, Россия сочла бы их представителями вражеской, оккупационной армии и уничтожила. Словом, операция не состоялась.

К концу декабря 1914 года и Австро-Венгрия несколько охладела к «Союзу визволения». Проверив, как использует

СВУ выделенные ими средства, австрийцы вскрыли факты, мягко говоря, их нецелевого использования, а то и откровенного прикарманивания. В ходе этой проверки у главы СВУ Н. Зализняка было конфисковано около 500 тысяч крон. Он также не смог объяснить, куда делись еще 400 тысяч крон, дополнительно выделенных СВУ до ноября 1914 года. В итоге в январе 1915 года «Союз» сняли с австрийско-венгерского довольствия, и эта организация перешла полностью на содержание Германии, которая более тщательно следила за расходованием средств.

Через некоторое время ряды СВУ покинул Дмитрий Донцов, объяснив через швейцарскую украиноязычную газету «Боротьба» – партийный орган зарубежной Украинской социал-демократической рабочей партии – мотивы своего демарша. Во втором номере издания он писал: *«В Вене я не принимал в деятельности союза никакого участия и вышел из него официально после первого заседания в Вене, когда было отвергнуто мое предложение, чтобы комитет союза уведомлял нас подробно и правильно о своих материальных источниках и расходах»*. Вопрос упирался в то, что «союзники» не могли поделить, выражаясь современным языком, гранты. Но такая щепетильность не помешала Дмитрию Донцову на полученные от германского посла в Швейцарии Г. Ромберга деньги выпускать антироссийские пропагандистские материалы.

Пропаганда в начале Первой мировой

Русские дипломаты в Константинополе сообщали российской контрразведке, что с началом войны австро-германская дипломатия, возлагавшая большие надежды на внутренние беспорядки в России, стала способствовать украинским сепаратистам. При содействии австрийского посольства деятели украинских организаций Австро-Венгрии Цегельский и Баран стали размещать в газетах сведения о том, что, мол, в давние времена украинское государство простиралось от Карпат и до Волги, занимало широкую полосу на юге России, захватывая даже Воронежскую и Курскую губернии и гранича на юго-востоке с отрогами Северного Кавказа; что Украина, некогда самостоятельное государство, долго томилась под русским игом и теперь, в дни мировых событий, готова бороться за свою свободу вместе с Австрией, Германией и Турцией против общего врага – России.

При содействии турецких военных сепаратисты распространяли среди русских военнопленных в Турции брошюры подрывного содержания, а кроме того вели работу по выявлению пленных малороссийского происхождения; за согласие называться украинцами последние получали лучшие условия содержания. Точно такая же работа проводилась немецкой и австрийской администрациями. В лагерях для

пленных была создана организация «Січова». Всем записавшимся в «сечевики» предоставлялись различные льготы. «Сечевики» помогали германским солдатам нести охрану российских военнопленных.

Позднее из этих «сечевиков» немцы организовали 1-й украинский полк имени Тараса Шевченко. Выдали им австрийское обмундирование с буквами У. 3. С. (Украинская Запорожская Сечь) и желто-синими петлицами, поставили на полный паек и дали содержание в 15 марок. Этих солдат немцы использовали для шпионажа, передачи в русские окопы прокламаций, воззваний и газет антироссийского направления. Работа по подготовке «сечевиков» проводилась в лагерях для военнопленных – во Фрейштадте в Австрии и Раштадте в Германии, где были сосредоточены около 7 тысяч пленных украинцев. Их систематически обрабатывали активисты СВУ.

На работу в лагерях военнопленных Германия выделяла в среднем 25 тысяч марок. Работали там, в основном, пропагандисты из Галиции: неженатые получали 350 марок, женатые – 450 марок, руководители «просвитянских» отделов – 550 марок в месяц. СВУ совместно с германским генштабом занимался организацией диверсионных групп, забрасываемых в российский тыл с целью, по циничному выражению одного из лидеров «Союза», распространения «украинской бациллы». Каждый член группы получал от 500 до 1000 рублей. Первая такая группа была заброшена в феврале 1916

года.

Поскольку одним из главных центров СВУ должен был стать Константинополь, руководство взял в свои руки австро-венгерский посол в Высокой Порте маркиз Паллавичини. В начале октября 1914 года он обратился в свое министерство иностранных дел с ходатайством об отпуске денег на агитацию в России. Одновременно с этим Паллавичини просил министерство отправить в Константинополь Петра Бендзя, а в отделение СВУ в Софии – другого агента.

Русские дипломаты сообщили военному ведомству, что в Константинополь прибыл представитель СВУ Мариан фон Меленевский с австрийским паспортом и вошел в сношения с маркизом Паллавичини с целью координации работы.

Меленевский в Константинополе на собрании СВУ изложил программу деятельности «Союза освобождения Украины», а также заявил о необходимости превращения Украины в новую конституционную монархию во главе с принцем Вильгельмом Габсбург-Летрингеном, он же «Василь Вышиваный». (О последнем – речь впереди).

Тайные дела Парвуса

Но фон Меленевский в Константинополе занимался не только пропагандой. Там он наладил тесное и плодотворное сотрудничество с Парвусом – одним из первых профессиональных потиттехнологов, имевшим в революционных кругах прозвище «слон с головой Сократа».

Парвус (Александр Лазаревич Гельфанд), игравший большую роль в польской социал-демократической рабочей партии в начале девятисотых годов, позднее переехал в Константинополь, где вращался в русской революционной колонии. По своим политическим воззрениям Парвус был ярким сторонником младотурков, разделял их симпатии к Германии и старался всякими мерами противодействовать России. Парвус вместе с Жаботинским редактировал ряд газет младотурков, являясь также корреспондентом нескольких российских и швейцарских газет.

Патронировал Парвусу главный финансист движения младотурков – Эммануэль Карассо. Во время балканских войн он руководил разведывательными операциями младотурков на Балканах, а в годы Первой мировой – обеспечивал поставку продовольствия Османской империи. В этом прибыльном бизнесе он дал поучаствовать и Парвусу.

Карассо был протеже и деловым партнером Джузеппе Вольпи ди Мизурата, крупнейшего итальянского банкира

начала 20-го века, не только финансировавшего младотурков, но и способствовавшего захвату власти чернорубашечниками. Впоследствии удачливый бизнесмен стал верным соратником Муссолини: был министром финансов Италии (1925–1928), членом Великого фашистского совета, президентом Фашистской конфедерации промышленников.

Но вернемся к Парвусу.

Сотрудничество с младотурками принесло ему целое состояние. Александр Лазаревич также стал советником и представителем в Османской империи концерна Круппа и картеля вооружений «Виккерс».

В конце Первой мировой войны Парвус дал следующую оценку европейской ситуации: *«Существует только две возможности: или западная Европа объединится, или же Россия будет доминировать. Вся игра с буферными государствами неизбежно закончится их аннексией Россией. Если они станут частью Европы, объединившейся в единое экономическое сообщество, это создаст противовес России»*. При любых условиях, утверждал Парвус, эпоха национальных государств в Европе завершена.

В этой связи примечательна связь Парвуса с графом Рихардом Куденхове-Калерги, основателем паневропейского движения. Куденхове считал необходимым образование союзного всеевропейского государства с собственной конституцией. Главными врагами объединенной Европы он считал Советский Союз и США. В основании сегодняшней объеди-

ненной Европы лежат идеи графа Куденхове-Калерги. Он полагал, что объединенная Европа возникнет в результате борьбы с большевизмом, точно так же, *«как молодая Европа возникла в борьбе против Священного союза, а Священный союз вышел из борьбы против Наполеона»*.

(Парвус не дожил восьми лет до того момента, когда один из главных сторонников паневропейской идеи, Яльмар Шахт, в то время представлявший германские интересы в Банке международных расчетов и вскоре ставший министром экономики у Гитлера, заявил на встрече единомышленников Калерги в Берлине: *«Гитлер создаст объединенную Европу! Только Гитлер способен объединить Европу!»*)

Именно с этим международным шпионом и политтехнологом и сотрудничали украинские сепаратисты. Парвус с фон Меленевским образовали в Константинополе группу украинской социал-демократии, которая должна была, в частности, *«сообща с организациями СВУ в Австрии проводить агитацию против России среди малорусского населения в Австрии, а также в России; образовывать группы активного содействия Австрии, которая гарантирует национальные права Украины»*.

Примечательно, что многие украинские социал-демократы, в том числе и в эмиграции, не питали симпатий к СВУ.

Так, в парижской русской газете «Наше Слово» от 28-го февраля 1915 года появилась статья под заголовком «Голос Украинской соц. – дем. партии». Вот такая характеристика

«Союза Визволення України» дается в этой статье: *«Союз состоит из бывших членов Украинской СДРП Донцова, Дорошенко, Меленевского, Скоропись-Иолтуховского и Жука. Союз называется российской организацией, а по существу является организацией австрийской. Большинство членов союза долгие годы жили в Галиции, забыли свое социалистическое прошлое, залезли в болото буржуазной украинской националистической идеологии австрийского типа, за что и были исключены из украинской социал-демократической партии; их организация является агентурой австрийского правительства, которое проявило к ним великую ласку и внимательность, пополнив приличной суммой крон их каску».*

Однако в мае 1915 года в Софии Парвус с фон Меленевским приступили к изданию новой украинской газеты под названием «Робітничий прапор» – от имени «инициативно-организационной группы украинской социал-демократии». В состав этой группы, кроме Парвуса и Мариана фон Меленевского, вошли Николай Ганкевич, Осип Беспалко, Евгений Гуцайло, Василий Мороз, Эммануил Сандум и другие.

В первом номере газеты была помещена статья И. Бендзи под заголовком «Украинская социал-демократическая партия Австрии и война». В этой статье автор заявлял, что указанная партия соединилась с Германией и Австрией в одной боевой линии против России для того, чтобы на разва-

линах царской империи образовались свободные республики: украинская, великорусская и другие.

Деньги на воплощение своего плана расчленения России Парвус получил от Германии. Средства для австро-украинских националистов поступали от немцев через банк Парвуса вплоть до 1917 года.

Но Александр Лазаревич «нарисовался» на украинской националистической карте еще до начала столь «плодотворного» сотрудничества с германскими властями. В конце августа 1914 года, накануне войны, в Вене состоялось тайное совещание по украинским делам, на котором, кроме членов иностранного и военного министерств, присутствовали граф Бертольд, митрополит Шептицкий и Парвус. На этом совещании были окончательно утвержден план действий после захвата Надднепрянской Украины австро-венгерской армией. И даже намечены конкретные лица для занятия административных должностей.

Дмитрий Дорошенко: «Нас, сознательных украинцев, было так мало»

Примечательно, что по подсчетам российской контрразведки, составившей список активных членов СВУ, в его состав входили всего около 60 человек. В высших кругах украинского (малороссийского на тот момент) общества, среди помещиков, крупной буржуазии и интеллигенции идея украинского сепаратизма не находила приверженцев, ибо в Российской империи малороссы вместе с великороссами и белорусами составляли русский народ, следовательно, образовывали господствующую нацию. С точки зрения их интересов, пропаганда сепаратистами перехода под власть Австрии или под протекторат Германии являлась разрушительной.

Далеки были от идей «самостийности» и крестьяне с пролетариатом. Видный киевский эсдек Павел Тучапский, один из основателей РСДРП, писал в 1906 году в журнале «Вестник жизни»: *«Жизнь украинского народа слишком тесно сплелась с жизнью русского народа не только политически и экономически, но и культурно... Украинские крестьяне и пролетариат не выступают с требованием автономии. С этим требованием выступает интеллигенция, а украинским массам прививает это требование».*

Фактически украинская нация начала складываться только после революции 1917 года. Историк и политический деятель Дмитрий Дорошенко писал в своих воспоминаниях: *«Нас, сознательных украинцев, было так мало, мы все так хорошо знали друг друга, были так тесно связаны между собой разными связями по общественной работе, что у нас выработалась та «кружковщина», сектантская узость и замкнутость... Теперь понятие нации безмерно расширилось, и собственно сама нация украинская только теперь начала формироваться и выкристаллизовываться»*.

А вот высказывание Д. Дорошенко о настроениях населения Галиции в первое время войны: *«Несчастьем украинского народа в Австро-Венгрии было то, что он в своих национальных взглядах, а благодаря этому и в политической ориентации, был разделен на две части: одна, большая часть, хотела жить и развиваться, как отдельный украинский народ, добивалась для себя полноты национальных и государственных прав в границах Австро-Венгерского государства; в конфликте Австрии и России она лояльно стала на сторону первой и надеялась с помощью Австрии освободить из-под московского ярма если не всю, то хотя бы часть Великой Украины»*.

Но была и другая часть галицко-украинских граждан, меньшая, которая считала себя не украинцами, а «русскими», свое спасение видела в России и в борьбе двух соседних государств склонялась на сторону России. Это были так

называемые «москвофилы», которые имели своих сторонников не только среди интеллигенции, но и среди крестьян. Часть возглавлявших москофильское направление уже накануне войны бежала в Россию, чтобы оттуда с победоносным российским войском вступить в Галицию и «освободить» ее из-под «австрийского ярма». Но масса обычных людей москвофильского направления активно себя не выявляла и свои симпатии сберегала в душе, чтобы выявить их тогда, когда станет ясно, на чьей стороне победа».

Талергоф и Терезин: австро-венгерский террор

После первых поражений австро-венгерских войск от российского оружия начались страшные преследования галичан «русофильской» направленности. Нередко это происходило по доносам униатских священников и «национально сознательных» соседей. Кроме того, австро-венгерское командование, чтобы оправдать свои поражения на фронте, объясняло их «изменой украинцев», их москвофильством. И Галичину захлестнул массовый террор. Тысячи русинов – крестьян, священников, интеллигентов – погибли на виселицах и в австрийских тюрьмах. Десятки тысяч были брошены в концентрационные лагеря Талергоф, Гнав, Терезин, Гмюнди, где многие также расстались с жизнью.

Бывший священник печально памятной дивизии СС «Галиция» И. Нагаевский в своей работе «Історія Української держави ХХ століття» указывает, что во время австро-венгерского террора были уничтожены около 36 тысяч гражданских лиц, включая женщин и стариков. Примерно столько же людей погибли в австрийских концлагерях.

«Талергофская трагедия, – писала историк Н. Пашаева, – была трагедией всего народа Галичины. Масштабы этой трагедии многих тысяч семей были бы несравненно более скромными, если бы не предательская роль украинофилов,

которые были «пятой колонной» галицкого националистического движения, помощниками австрийской администрации и военицины».

Ю. Яворский, переживший все ужасы того лихолетья, оставил следующие воспоминания: *«Пошел подлинный жидовый погром. Без всякого суда и следствия, без удержу и без узды. По первому нелепому доносу, по прихоти, корысти, вражде. То целой гремющей облавой, то тихо, выборочно, врозь. На людях и дома, на работе, в гостях и во сне.*

Хватали всех сплошь, без разбора. Кто лишь признавал себя русским и русское имя носил. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка из России. А то и просто того, кто был лишь отмечен мазепинцами как «русофил». Хватали кого попало. Интеллигентов и крестьян, мужчин и женщин, стариков и детей, здоровых и больных. И в первую голову, конечно, ненавистных им «русских» попов, доблестных пастырей народа, соль галицко-русской земли».

О степени тогдашней «национальной сознательности» можно судить по достаточно популярной в те дни песне «сечевых стрельцов»:

Українці п`ють, гуляють,
А кацапи вже конають.
Українці п`ють на гофі,
А кацапи в Талергофі.
Де стоїть стовп з телефона,
Висить кацап замість дзвона.

Уста йому посиніли,
Чорні очі побіліли,
Зуби в крові закипіли,
Шнури шию переїли...

Напомню, песенку эту галичанские «патриоты» распевали не про русских солдат, пришедших в Галицию, а про своих односельчан, соседей, родню – про тех, кто не захотел отказываться от православия и русинского языка.

Одним из узников концлагеря Талергоф был отец великого украинского публициста, борца с национализмом Ярослава Галана – Александр Галан. Он с детства хорошо увидел, какова на практике идеология «австрийского украинства».

«Защита прав малых народов»

Накануне Первой мировой войны западные страны высоко подняли лозунг «защиты прав малых народов» как инструмент разложения своих будущих военных противников. Страны Антанты говорили о разделении многонациональных Австро-Венгрии и Османской империи. Австро-Венгрия и Германия планировали расчленение Российской империи. Таким образом, провоцировались национализм и сепаратизм, подогреваемые также революционными настроениями.

В ходе войны президент США Вудро Вильсон высказался о «праве малых народов на самоопределение». В мае 1916 года он говорил о праве народов выбирать такое правительство, при котором им (то есть народам) будет удобнее жить. Несколько позже американский президент сформулировал принцип «внешнего самоопределения», согласно которому любой народ мог бы выбирать такую форму суверенитета, которую хотел. Наконец, крайняя острота противоречий на европейском континенте, обострившихся в ходе Первой мировой войны, привела Вильсона к мысли о необходимости «связать» самоопределение с национальным принципом, так что оно все больше и больше приобретало этнический характер.

В январе 1918 года американский президент выступил с

программой мирного послевоенного урегулирования, которая стала известна, как «14 пунктов Вильсона». В ней он отметил, что основным субъектом власти является народ, имеющий право на самоопределение. О том, каким путем страны-победительницы решали судьбу народов распавшихся империй, вспоминает Уинстон Черчилль в своей книге «Мировой кризис»:

«Что должно было быть признаком, свидетельствующим о принадлежности к той или иной национальности? Каким путем желания «национальных элементов» должны были быть выражены и удовлетворены? Как и где должны были быть проведены новые границы среди смешанного населения? До каких пределов этот основной принцип должен был быть выше всех других соображений, исторических, географических, экономических и стратегических? Каким способом можно было убедить все те вооруженные и враждебные элементы, которые повсеместно пришли в движение, согласиться с окончательными решениями, вынесенными конференцией? Таковы были задачи мирной конференции.

Было решено, что основным признаком национальности будет считаться язык. Без сомнения, язык не всегда выражает национальность. Некоторые из наиболее сознательных в национальном отношении масс могут только с трудом объясняться на своем родном языке.

Некоторые угнетенные расы говорили на языке своих угнетателей, которых они ненавидят, а некоторые из доми-

нирующих народов говорили на языке покоренных ими племен, управляя ими в то же самое время. Как бы там ни было, вопрос этот должен был быть улажен, по возможности, скорее, и лучшего признака национальности во всех спорных случаях, чем язык, найти не могли; как последний выход из положения, оставался еще плебисцит».

Затем, как прагматик, Черчилль достаточно цинично оценил принятые в конце решения, которые стали прологом к новой мировой войне: «Как бы ни было сильно раздражение, вызываемое повсеместно, когда ножницы миротворцев разрезали живую ткань народов вдоль этих сомнительных границ, наличие этого раздражения не умаляло значения договора».

Карьера аристократа-монаха

О Шептицком впервые заговорили в 1888 году, когда молодой аристократ, офицер-улан с блестящими перспективами вдруг стал монахом. Именно тогда, во время всплеска русофильства в Галиции, когда иногда целые села, как это произошло в селе Гнилички, стали переходить в православие, у папы Льва XIII возникла идея превратить Галицию в плацдарм против «схизмы». Нужен был достойный и перспективный кандидат в «духовные лидеры». Этим кандидатом и стал граф Роман Шептицкий. Он обладал привлекательной внешностью, красноречием, образованностью, надлежащим происхождением. Еще во времена Речи Посполитой в роду Шептицких были выдающиеся униатские деятели. Львовский епископ Афанасий Шептицкий в 1729 году стал киевским униатским митрополитом. Лев Шептицкий также был митрополитом униатской церкви.

На перспективного кандидата из высших кругов польской аристократии давно обратил свой взор Ватикан. После долгих лет переговоров, которые проводили с графом Мечислав Ледоховский, иезуит Энрико Яцковский и другие духовные лица, молодой Роман Шептицкий прибыл в Рим.

Во время аудиенции у папы, который предложил Роману «апостольскую миссию» возвращения в лоно католической церкви заблудших душ русского Востока, Шептицкий впал

в состояние экзальтации и согласился ради такого подвига перейти в униатство.

Сначала он по заданию папы едет в Россию, чтобы ознакомиться с обстановкой на Востоке. Перед молодым импозантным графом, сыном известного магната, широко открылись двери салонов Петербурга и Киева, чем он не преминул воспользоваться, завязывая влиятельные связи. В Киеве граф Роман познакомился с историком и этнографом, связанным с австро-венгерской разведкой, – Владимиром Антоновичем. Биограф Шептицкого Лонгин Цегельский утверждает, что именно под воздействием настроений киевской интеллигенции решение 22-летнего Романа перейти из католичества в униатство стало непоколебимым.

В конце апреля 1888 года в Добромиле Роман Шептицкий вступил в орден василиан. Причем, по высочайшему указанию из Ватикана был нарушен установленный порядок: Шептицкого облачили в монашеские одежды без необходимого по уставу ордена «постуляторства», т. е. шестимесячного испытательного срока. Имя он себе выбрал – Андрей, наверно, в честь апостола Андрея Первозванного, который, согласно преданию, первым установил крест на днепровских кручах в Киеве. Вскоре из Ватикана приходит беспрецедентное по скорости для церковной карьеры назначение молодого Шептицкого магистром этого ордена.

В Добромильском монастыре Андрей Шептицкий долго не задержался. Уже в 1890 году его назначают игуменом ва-

силианского монастыря во Львове, где для энергичного молодого деятеля было гораздо больше возможностей проявить себя.

В 1898 году умирает глава униатской церкви кардинал Сильвестр Сембратович. Шло время, но на эту должность никого не назначали. За короткое время Андрея Шептицкого рукоположили в епископы и отдали ему Станиславскую епархию. Затем состоялась интронизация митрополита Андрея, графа Шептицкого, ставшего первоиерархом греко-католиков Галиции. Это произошло 17 января 1901 года. Показательно, что при этом, помимо традиционного титула главы униатской церкви – митрополит Галицкий, архиепископ Львовский, епископ Каменец-Подольский, – новый митрополит получил от папы Льва XIII наименование «апостольского администратора Украины», хотя за пределами Австро-Венгрии, в той части Украины, которая входила в состав Российской империи, тогда не было ни одного униатского прихода.

В 1888 году – монах, магистр ордена василиан, в 1890-м – игумен василианского монастыря, в 1899 году епископ, в 1900 году – митрополит. И все это и 35 годам! Неслыханный в истории церкви взлет...

Так «старые меха» были наполнены «молодым вином»... Андрей Шептицкий понимал, что борьба со «схизмой» Востока «огнем и мечом» уже не может принести успеха. Он начал разрабатывать новую тактику, в первую очередь как ди-

пломат и проповедник, получив одобрение папы Льва XIII и конгрегации по пропаганде веры. Эта новая тактика базировалась на поощрении сепаратистских движений среди украинцев и белорусов, на разжигании у них вражды к «москалям».

Несмотря на свой высокий сан, с разрешения цесаря Франца-Иосифа и с благословения Ватикана, Андрей Шептицкий совершает настоящее шпионское путешествие в Россию. Сменив сутану на гражданскую одежду, под именем доктора Евгения Олесницкого через Германию он едет в «страну схизматов». Посетив Вильнюс, Минск, Слуцк, Витебск и другие города, прелат-шпион налаживал связи с ватиканской агентурой, вербовал и инструктировал новых агентов. Когда же Шептицкий собрался посетить Малороссию, с ним произошел казус: митрополит потерял подделанный австрийской разведкой паспорт. Пришлось ему, срочно свернув свою деятельность, возвращаться во Львов. Фальшивый паспорт попал в руки русской контрразведки, но там, увы, не поняли, какая важная птица улизнула. Только «поставили на учет» как австрийского шпиона... И это был не единственный подрывной вояж владыки в Россию.

После возвращения с Востока Шептицкий зарабатывает себе политический капитал с помощью проверенного способа – филантропической и меценатской деятельности. За средства митрополии он разворачивает строительство музея, больницы, выделяет пособия бедным семинаристам, ху-

дожникам, артистам. При этом умело пропагандирует униатство.

Постепенно резиденция митрополита превращается в центр антироссийских сил. Этот факт не скрывают даже его биографы. Лонгин Цегельский писал: *«Раз у раз приїздили та виїздили потайні емісари – висланники-українці з Холмщини, Херсонщини, Полтавщини тощо. В будинках святоюрського палацу проживали утікачі з-під царського кнута, на кошти митрополита виховувались у Львові чи Римі на тайних місіонерів для України і Білорусії...»*

В это время произошла встреча немецкого кайзера Вильгельма II с папой Львом XIII. Канцлер фон Бюлов писал, что глава католической церкви сравнил Вильгельма с Карлом Великим, который *«склонил весь цивилизованный мир к подножию креста, получив благословение на выполнение этой миссии от Льва III. Теперь... немецкий император также получил... от папы Льва XIII напутствие вернуть Европу в лоно христианства..., поборов социалистические и атеистические течения».*

Ватикан рассчитывал, что Вильгельм II своим «дранг нах Остен» поможет вернуть в «лоно христианства», т. е. католицизма, народы России. Папу вовсе не смущала такая «мелочь», как протестантское вероисповедание кайзера...

Тем временем митрополит Шептицкий уделял внимание созданию церковного музея. Убивал он при этом «двух зайцев». Еще во время своей первой поездки на Буковину и в

Закарпатье он обратил внимание, что в церквях тщательно сохраняются иконы, написанные в византийском, греко-православном стиле. Это напоминало о православном прошлом, о Хмельниччине... «Мятежные» иконы стали изымать и отправлять во Львов. Вместо этого церкви получали изготовленные в Ватикане иконы с изображениями «новых святых» – таких, как Иосафат Кунцевич. Получалась двойная польза: фонд музея пополнялся ценными экспонатами, а верующие лицезрели «правильных» святых...

В 1903 году умирает папа Лев XIII. Его преемником становится Пий X, также ориентирующийся на австро-немецкие круги. Нового папу беспокоили революционные события в России, тревожила волна массовых забастовок и демонстраций, прокатившаяся по Галиции после событий 1905–1907 годов. Пий X вызвал униатского митрополита, чтобы тот детально ознакомил его и с настроениями в Галиции, и с ситуацией в России.

Митрополит Шептицкий доложил папе, что основной фундамент российского самодержавия, православие, теряет моральную силу под воздействием революционных сил. Это дает шанс выступить униатам. Тем более, что в условиях расширения религиозной свободы, после выхода 17 апреля 1905 года манифеста о веротерпимости, в Российской империи появились новые возможности для католической пропаганды. Папа был удовлетворен и докладом митрополита, и нелегальной работой его агентуры в России. Владыке Ан-

дрию был выдан тайный документ, предоставлявший полномочия действовать в пользу унии в масштабах России.

Итак, Андрей Шептицкий приступает к «экспорту» униатской идеи в российские пределы. О том, что митрополиту удалось привлечь к унии нескольких великорусских прозелитов, свидетельствуют адресованные митрополиту Андрею письма тайного католического священника восточного обряда Иоанна Дейбнера.

Вот фрагмент одного из писем:

«К одному латинскому священнику пришел православный священник и сказал, что хочет вместе с семейством принять католичество... Мне кажется, что священник может остаться по наружности православным. На литургии он может вынимать частицы не за синод и не за своего схизматического епископа, а за Папу и за своего Львовского Митрополита. Когда же громко поминает синод и епископа, то может это делать как молитву об их обращении к св. вере и пр... Во всяком случае, если не посмотреть широко на дело, то приходится отказываться от пропаганды или ее уменьшать; нельзя будет уже обращать православных священников, а между тем хорошо было бы их обращать, чтобы они могли обращать постепенно своих прихожан и даже своих коллег-священников».

О том, что Шептицкий возглавил работу «штаба», руководившего процессом униатской экспансии в России, говорится и в переписке владыки с униатским священником Алексе-

ем Зерчаниновым. В своем письме к Шептицкому от 21 мая (3 июня) 1907 года Зерчанинов, в частности, писал: *«Всем сердцем желая церковного преуспеяния для распространения католического света в России, осмеливаюсь я, недостойный, утруждать Ваше Высокопреосвященство сею докладною запиской, как своего непосредственного начальника в делах веры, на предмет канонического восстановления греко-католической иерархии в России для католиков греко-католического обряда с правом его полной свободы по существующим здесь местным обычаям, не вредящим единству католической Церкви; чтобы главный представитель восстанавливаемой иерархии, применяясь к этим обычаям, заботился о религиозных нуждах новообразовавшегося маленького стада Христова для соединения его во Христе Иисусе с Его Апостольским Наместником и земным Главою видимой Церкви Христовой для ее вящего преуспеяния и спасения верующих».*

Окрыленный успехами униатского прозелитизма, Шептицкий в миссионерском порыве издает 26 ноября 1907 года пастырское послание, посвященное задаче соединения Восточных Церквей с Римом: *«Нужно, чтобы каждый наш верный умел различать католическую Церковь от других по главному знамени единства, по которому верным легче всего познавать истинную Церковь. Характер вселенской Церкви яснее всего выражается в том признаке, что в Церкви есть одна власть, власть всемирная, власть римских ар-*

хиереев, и без этой всенародной власти, без учительского, непогрешимого руководства невозможно и немыслимо церковное единство между христианами».

В феврале 1907 года Шептицкий излагает папе Пию X свой проект развития униатской миссии в России. Верный традиции воспитавших его иезуитов митрополит, предлагает действовать с максимальной секретностью, так, чтобы ничего не было известно государственному секретариату Ватикана и латинским епископам в России. Хотя Шептицкий объяснял это опасностью компрометации католицизма в глазах российского правительства, на самом деле он собирался под этим предлогом монополизировать свое право на миссию. 14 февраля 1908 года митрополит Андрей Шептицкий получил письменные полномочия. Папа Пий X начертал: *«Мы все пересмотрели и одобряем. Мы испрашиваем у Господа всякого спасительного благоденствия досточтимому Архиепископу, Его Генеральному викарию по духовным делам, всем верующим, клиру и народу и преподаем им Апостольское благословение».* Этой визой папа подтверждал полномочия Андрея Шептицкого как примаса греко-католиков Российской империи.

Но и этого владыке показалось недостаточно. Он попросил у папы даровать ему самые широкие права, вплоть до права самостоятельно, без ведома Ватикана, посвящать униатских епископов для России. Шептицкий оправдывал свою просьбу тем, что подобная практика позволила

бы избежать трений с российским правительством. Пий X подписал соответствующее прошение Шептицкого словами «Placet» («Угодно») и, передавая ему документ, сказал: *«Это – каноническая форма, к которой прибегают в самых серьезных и торжественных вопросах Церкви»*.

Показательно, что в прошении на имя папы о даровании этих прав митрополит Андрей «скромно» называет себя: *«Смиренный митрополит Галицкий, администратор митрополии Киевской и всея Руси, а также архиепархий Владимирской, Полоцкой, Смоленской, также епархии Луцкой с экзархатом всея Руси, Острожской, Новгородской, Минской, Брестской, Витебской, Мстиславльской, Оришанской, Могилевской, Холмской, Белзской, Северной, Пинской, Туровской, а также епископ Каменец-Подольский...»*

Среди агентов Шептицкого видим представителей самых элитарных слоев: племянницу Петра Столыпина княгиню Наталию Ушакову, княжну Елену Долгорукую, графа Бобринского, графа Оболенского, который наследовал Победоносцеву на посту обер-прокурора Синода, наконец, Хомякова, брата председателя Думы. Наиболее активным эмиссаром Шептицкого был Леонид Федоров. Его еще студентом православной духовной академии во время путешествия в Рим завербовал Ватикан, а затем передал в распоряжение митрополита.

Вот отрывок одного из «духовных» посланий Федорова Шептицкому из Петербурга, где он поселился: *«Дело стро-*

ительства дреңдоутов и вообще усиления флота двигается с черепашьей скоростью; в военном министерстве работа продвигается быстрее: создаются новые корпуса, расширяется авиационное дело, но основательных реформ нет и там. В главном штабе происходит борьба между старыми заплесневелыми тактиками и молодыми талантливыми офицерами, причем победа склоняется на сторону первых. Во главе военного министерства стоит абсолютный ноль – генерал Сухомлинов, во главе академии главного штаба – полное ничтожество, способное только праздновать и танцевать, – генерал Енгаличев. В интенданстве продолжается система воровства и взяточничества. В министерстве иностранных дел, как говорится, и конь не валялся. Сам Маклаков – бюрократ и тупой черносотенец. В министерстве финансов лучшие: Коковцев оставил после себя хорошее наследство, и денег на черный день хватит. Но бедняга не угодил черносотенцам и Гришке Распутину – и его попросили в отставку...»

Завидная информированность для недавнего студента духовной академии! За сравнительно короткий срок Федоров сумел создать довольно широкую сеть шпионской агентуры для митрополита Шептицкого. Особо важные сведения добывались в Петербурге, где он сумел завербовать женщин из аристократических семей, приближенных к императорскому двору. Кроме уже указанной племянницы Столыпина, наиболее серьезную информацию о личной жизни семьи

Николая II (влияние Распутина на императрицу, интриги в придворных кругах), о тайном распределении министерских портфелей и т. п. предоставляла Юлия Данзас, пользуясь своей близостью к императрице Александре Федоровне.

Униатские агентурные базы были созданы также в Украине и в Белоруссии. В Белоруссии Шептицкий действовал сам или через неких Ивана Луцкевича и его сына Антона. Вместе с ними он организовал Земельный банк, который мог служить легальной финансовой базой униатской агентуры в Украине и в Белоруссии.

Предупрежденный Ватиканом и Веной о скором наступлении большой войны с Россией, Шептицкий занялся важными вопросами в своей вотчине – Галиции. В первую очередь – удушением москвофильских настроений среди духовенства и верующих. В этом Шептицкий опирался на хорошо подготовленных иезуитами василиан. За несколько лет количество их монастырей увеличилось с одного (в Добромиле) до десятка. Кроме этого, владыка создает ряд других орденов – студитов, редемптористов, призванных воспитывать молодежь. При его содействии возникают также женские униатские организации – «сестер студиток», «святого Иосафата» (Кунцевича), «святого Иосифа», «мироносиц». Главная цель – возбуждение среди населения духа униатского фанатизма.

Кроме того, Шептицкий занялся учреждением в крае различных националистических полумонополизированных организаций. С

его благословения во Львове в 1913 году было создано полувоенное формирование под названием «Українські січові стрільці» (не смешивать с УСС – военным формированием австрийской армии, созданным в августе 1914 года), куда привлекались националистически настроенная молодежь. Такие же формирования стали создаваться и в других городах. *«За короткий час свого існування, – писала в июне 1914 года львовская газета «Діло», – зорганізовано п'ятдесят товариств «Січових Стрільців». При Українському Січовому союзі повстала Стрілецька Секція, яка зробилася Генеральним штабом наших мілітарних організацій. Організовано чети, сотні, курені, заведено дуже гарний і практичний однострій, зложено кілька фахових офіцерських шкіл».*

Наступил июнь 1914-го. В Сараеве был убит австрийский престолонаследник (большой друг Шептицкого), возглавлявший в Австро-Венгрии партию войны и полностью разделявший взгляды Ватикана в отношении России и Балкан.

Этот выстрел чуть позже станет предлогом к войне. А тем временем в июле в Вене состоялось тайное совещание, на котором решалась судьба Украины. Возглавлял его специалист по России, бывший посол Австро-Венгрии в Петербурге, министр иностранных дел граф Бертольд. В качестве «представителя Украины» присутствовал Андрей Шептицкий. По представлению австрийского генштаба, согласованному с Германией, совещание утвердило план действий по

«украинскому вопросу».

На совещании владыку попросили подготовить рекомендации для австро-немецкого командования на случай оккупации Украины. Андрей Шептицкий выполнил это поручение и создал грандиозный проект, который в равной мере учитывал и запросы Австро-Венгерской монархии, и интересы Ватикана, и личные амбиции митрополита. Вот выдержки из этого документа под выразительным названием «О мерах по отторжению Русской Украины от России».

«Как только победоносная австрийская армия пересечет границу Украины, перед нами встанет тройная задача: военной, социальной и церковной организации страны. Решение этих задач должно... содействовать предполагаемому восстанию на Украине, но также и тому, чтобы отделить эти области от России при удобном случае как можно решительнее, чтобы придать им близкий народу характер независимой от России и чуждой царской державе национальной территории. Для этой цели должны быть использованы все украинские традиции, подавленные Россией. Надо возродить их в памяти и ввести в сознание народных масс так метко и точно, чтобы никакая политическая комбинация не была в состоянии ликвидировать последствия нашей победы.

I

Военная традиция должна быть построена на традициях запорожских казаков (военные соединения украинцев австрийцы назвали «сечевыми стрельцами» специально для того, чтобы протянуть мнимую нить преемственности от Запорожской Сечи, – хотя для запорожцев именно католицизм был основным врагом – М. Б.)... Самый выдающийся военачальник мог бы после великой победы быть наречен нашим кайзером «гетманом Украины» (на роль будущего «гетмана» был выдвинут австрийскими властями эрцгерцог Вильгельм Габсбург, который также перешел в униатство и принял украинское «псевдо», Василь Вышиваний, за ношение украинских вышитых сорочек – М. Б.).

Он мог бы в ранге походного командира или фельдмаршала получить определенную автономию в рамках нашей военной администрации... Национальный характер должен проявиться в названиях воинских должностей (атаманы, есaulы, полковники, сотники), далее – в обмундировании, воинских группах и т. п...

II

В продолжение войны должна быть принята во внима-

ние также правовая и социальная организация, чтобы доказать населению, сколь многие направления русского законодательства были несправедливы и угнетали его. Наряду с провозглашением свободы, терпимости и т. д. (основные законы) должна быть также опубликована австрийская Конституция (в украинском переводе) и всевозможные другие австрийские своды законов...

III

Церковная организация должна преследовать ту же самую цель – Церковь на Украине необходимо по возможности полнее отделить от Российской. Оставляя в стороне доктрину, сферу догматики, было бы необходимо издать серию церковных распоряжений, например: об отделении Украинской Церкви от Петербургского Синода, о запрещении молиться за царя, о необходимости молиться за цесаря. Вместе с тем великорусские московские святые должны быть удалены из календаря и т. д. Все эти декреты должны быть изданы авторитетом церковным, а не исходить от гражданской или военной власти – чтобы таким образом избавиться от российской системы. Также было бы абсолютно нецелесообразно устанавливать Синод (по образцу Петербургского Синода). Митрополит Галицкий («и вся Украины») мог бы этими декретами устанавливать то, что согласно с фундаментальными принципами Восточной Церк-

ви и традициями Митрополичьего престола и было бы одобрено военной администрацией.

Я как митрополит мог бы это сделать, поскольку в соответствии с каноническими правилами Восточной Церкви и традициями моих предшественников имею право, подтвержденное Римом, пользоваться данной властью во всех сферах. Если начерченный мной план будет принят – а так оно, наверное, и будет, – на Украине будет установлен единый центр духовной власти и Церкви как организма, представляющего собой невидимое целое. И он будет целиком отделен от Российской Церкви. Определенное число епископов, а именно те, которые родом из Великороссии, и те, которые откажутся присоединиться к унии, должны быть устранены и заменены другими – теми, кто признает украинские и австрийские убеждения...

Таким образом, единство Украинской Церкви будет сохранено или достигнуто, а ее отделение от Российской Церкви будет решительно и полностью утверждено... Православие Церкви не было бы уничтожено. Оно должно быть сохранено во всей его полноте. Нужно только очистить его самым радикальным образом от московского влияния».

Этот документ был опубликован в газете «Общее Дело» в Петрограде 27 сентября 1917 года. Для полноты психологического портрета графа Андрея стоит сказать, что незадолго до начала войны, в марте 1914 года, Шептицкий отправил Николаю II тайное послание, в котором уверял импе-

ратора в своей верности и называл его «объединителем славянства».

21 августа 1914 года Шептицкий озвучивает пастьерское обращение к верующим приграничных сел, в котором призывает воевать против России, поскольку униаты «идут в бой за святую веру, божьей милостью связанные с австрийским государством и династией Габсбургов».

На каждом вагоне, в которых «сечевые стрелыцы» отправлялись на фронт, большими буквами было написано: «Jedem Russ ein shuss!» («Каждого русского пристрели!»). Увы, это не помогло. Когда 5 августа 1914 года русские перешли в наступление, закончившееся сражением, известным под названием Галицкая битва, австро-венгерские войска были разгромлены.

Об атмосфере, царившей тогда, можно судить по паническому письму, написанному митрополиту его братом, генералом и начальником штаба 2-го корпуса австрийской армии Станиславом Шептицким: *«Росіяни наступають. Ми терпимо поразку. Відбуваються жорстокі бої на Гнилій Липі. Твоє хлопське військо, твої УССи боїв ще не бачили, але відомо, що вони збираються «доблесно» здатись у полон москалям. Надії стримати москалів нема».*

Отряды стрелыцов действительно не собирались отдавать свою жизнь за цесаря и массово сдавались в плен. Австрийская контрразведка забила тревогу; согласно специальному распоряжению, всех стрелыцов перебросили из Львова

к Стрию, где была произведена чистка: из 25 тысяч солдат оставили около 2,5 тысяч наиболее надежных. Оставшихся отправили в Закарпатье для переподготовки. Но это не помогло. Когда в первой половине сентября эти части были введены в бой, рядовой состав, не желая умирать «за цесаря и Украину», принудил своих офицеров сдаться в плен русским войскам. Такая же судьба постигла и будущих организаторов и руководителей УВО, за карьерой которых лично следил сам Шептицкий, – Евгения Коновальца и Андрея Мельника.

Уже 3 сентября 1914 года российские войска вступили во Львов. 19 сентября Андрей Шептицкий был выслан в Россию. Вскоре из Киева он направляет императору Николаю II письмо, содержание которого способно вызвать, как минимум, удивление после всего сделанного митрополитом. Письмо написано, как указывает в нем Шептицкий, по поводу *«успехов российской армии и воссоединения Галичины с Россией, за что трехмиллионное население Галичины с радостью приветствует российских солдат, как своих братьев»*. Далее он пишет: *«Православно-католический митрополит Галицкий и Львовский, много лет желающий и готовый ежедневно жертвовать своей жизнью за благо и спасение Святой Руси и Вашего Императорского Величества, полагает к ногам Вашего Императорского Величества сердечнейшие благопожелания и радостный привет по случаю за-вершающегося объединения остальных частей Русской Зем-*

ли». Возмущенный император на полях письма митрополита собственноручно начертил лаконичную визу «Аспид».

Следует учесть, что Николай II еще не подозревал о существовании изложенного выше плана переустройства Украины, черновик которого был обнаружен в тайнике под Свято-Юрским собором во Львове в феврале 1915 года. 27 июля 1916 года министр внутренних дел Штюрмер направил Николаю II донесение по поводу обнаруженного документа, в котором кратко излагались его основные положения. В связи с этим последовала еще одна резолюция Николая II в адрес Шептицкого – «Какой мерзавец!».

Но за что же еще до всего этого выслали Шептицкого? Ответ можно прочитать в мемуарах генерала А. Брусилова: *«Униатский митрополит граф Шептицкий, явный враг России, с давних пор неизменно агитировал против нас... Я его потребовал к себе с предложением дать честное слово, что он никаких враждебных действий против нас предпринимать не будет; в таком случае я брал на себя разрешить ему оставаться во Львове для исполнения его духовных обязанностей. Он охотно дал мне это слово, но, к сожалению, вслед за сим начал опять мутить и произносить церковные проповеди, явно нам враждебные. Ввиду этого я его выслав в Киев в распоряжение главнокомандующего»*. Оказывается, через пару дней после своего «честного слова» митрополит выступил в Успенском соборе с призывом «молиться за победу австро-германского оружия»!..

Итак, 19 сентября 1914 года Шептицкого интернировали в Россию. «Мученик» и «царский узник» выехал из Львова в Киев в комфортабельном салон-вагоне в сопровождении своего духовника, ректора униатской семинарии Боцяна, личного секретаря монаха Гродского и слуги. Поселили «жестокые» власти Шептицкого в лучшей киевской гостинице «Континенталь». В Киеве за митрополитом был установлен надзор, но это его не смутило. Он сразу начал вести работу по расширению греко-католицизма в Украине. Сначала правительство было намерено оставить Шептицкого в Киеве, но ввиду продолжения его деятельности отправило в Нижний Новгород. Митрополит и там попытался заняться созданием тайных униатских пунктов. Оттуда поднадзорного отправили в Курск. Здесь Шептицкий уже действовал более осторожно, скооперировавшись с местным католическим ксендзом и используя его как легальное прикрытие.

Тем временем в защиту «пастыря» выступили его высокопоставленные покровители, приближенные к Ватикану, австрийскому и немецкому дворам. Щемящее письмо прислала теща бывшего канцлера Германии Гогенлоэ, княгиня Витгенштейн. Развил бурную деятельность киевский магнат граф Тышкевич. Он буквально забросал письмами различных государственных деятелей России и других стран. Ватикан и австро-немецкий блок использовали «ссылку» Шептицкого для компрометации русского правительства. Были инспирированы провокационные слухи о «мученической

смерти митрополита в российской неволе». Некоторые австрийские газеты даже разместили некрологи. Но, увы, кампания по освобождению Шептицкого провалилась после того, как в тайнике Святоюрского собора были обнаружены документы, изобличающие двурушника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.